Современные отходники севера и юга европейской части России

Н.Н. Жидкевич

Наталья Николаевна Жидкевич, аналитик проектно-учебной лаборатории муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20.
E-mail: nzhidkevich@hse.ru

Статья посвящена явлению внутренней временной трудовой миграции, всё чаще называемой «современным отходничеством». Рассматривается аспект его территориальной дифференциации. Дифференциация обусловлена экономическими, социокультурными, демографическими особенностями территорий постоянного проживания отходников. Наблюдаются различия в таких характеристиках, как масштабность отходничества в местном («домашнем») сообществе, распространённость отходничества среди женщин, доминирующие мотивы к работе на выезде, основные отходнические специализации, статус отходников в «домашнем» сообществе. Указанные различия особенно заметны с движением с севера на юг европейской России. На обследованных территориях, отнесённых автором к «югу», доля отходников в местных сообществах значительно выше, чем на территориях, отнесённых к «северу», так как на «юге» существенно выше плотность населения. На «юге» в отходничество вовлекается и мужское, и женское население, тогда как на «севере» женщины-отходники встречаются редко. В отношении специализаций для лесного «севера» примечательно присутствие среди отходников плотников, возводящих строения для обеспеченных горожан (на «юге» плотников практически нет). «Южные» же отходники отличаются своим делением на две контрастные категории — разнорабочими и занятыми квалифицированным высокооплачиваемым трудом, чаще всего в местах добычи полезных ископаемых. На «юге» конкуренция за рабочие места выше, чем на «севере», к тому же «северные» плотники, обладающие редкими умениями, востребованы на рынке; вследствие этого можно говорить о том, что на «юге» отходники мотивированы более выталкивающим фактором, на «севере» — притягивающим. Доля отходников в сообществе и набор «выездных» специализаций определяют различия в их позициях в местной социальной структуре. Характерные для «севера» плотники имеют скорее высокий социальный статус. «Южные» отходники первой выделенной категории обладают статусом преимущественно невысоким, второй категории — преимущественно высоким.

Ключевые слова: отходничество, внутренняя временная трудовая миграция, трудовая миграция, территориальные различия, север европейской России, юг европейской России, российская провинция, стратегии занятости

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-97-107

В ходе исследований современного отходничества (внутренней временной трудовой миграции), осуществлённых в 2011–2013 го-

дах под руководством профессора НИУ ВШЭ Ю.М. Плюснина[1], нами были замечены территориальные[2] различия данного явления (Плюснин и др., 2013: 97-112). Наблюдения и интервью, проведённые в нескольких регионах европейской России, показали, что для ряда территорий характерно существование той или иной доминирующей специализации, по которой местные жители работают на выезде. В обследованных районах Костромской, Вологодской и Архангельской областей многие жители заняты возведением на выезде деревянных домов (срубов) обеспеченным горожанам в ближайших для последних пригородах. В обследованных районах Мордовии, Чувашии и Рязанской области, расположенных значительно южнее, отходники по своей выездной специализации условно делятся на тех, кто занят малоквалифицированным трудом (в охране, на уборке, в торговле, на домашних работах) — таких оказалось большинство, и тех, кто может предложить рынку востребованную специализацию (работает по специальности в промышленности, строительстве, на транспорте). Также обследования показали, что с движением с «севера» на «юг» доля женщин-отходников увеличивается. Косвенным подтверждением этого наблюдения стал тот факт, что существующие описания женщин-отходников сделаны исследователями, работавшими в южных российских регионах (White, 2007; Лебёдушкина, 2008; Великий, 2010).

В исследовании, проведённом автором аналогичными методами в 2012–2014 годах[3], география была расширена, территориальной специфике отходничества уделялось особое внимание. Полученные результаты подтвердили сделанные нами ранее выводы о существовании территориальных различий в половом составе отходников и в наборе специализаций, по которым работают на выезде. Также было установлено, что территориальные различия проявляются в таких характеристиках, как доля отходников в местном сообществе (подразумевается сообщество исхода), их социальное положение в нём и доминирующие мотивы к отходничеству. Было отмече-

1. В рамках проектов «Отходники в малых городах России» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»), «Отходники в малых городах» (грант РГНФ). Автор являлась участником исследований.
2. Под «территориальными» автором понимаются различия в первую очередь на районном уровне (под «районом» условно подразумевается территория одного из современных муниципальных районов или городских округов в границах бывших административных районов — как правило, такой территории свойственно социально-экономическое и социокультурное единство); строгой привязки к районам не делается. Под «территориальной» будет подразумеваться также единообразная специфика отходничества, демонстрируемая сразу несколькими районами (чаще соседствующими или расположенными недалеко друг от друга) и даже, с определёнными ограничениями, несколькими регионами.
3. В рамках проекта «Социальный портрет современного российского отходника» (при финансовой поддержке фонда «Хамовники»).

но, что территориальная специфика отходничества обусловливается следующими основными обстоятельствами: состояние и структура местной экономики (в том числе специализация уже не действующих предприятий); наличие профессиональных учебных заведений и набор специализаций, по которым происходит обучение в них; доступность крупных рынков труда; спрос на специалистов определённого профиля на ближайшем крупном рынке труда; местные социокультурные особенности и традиции; демографические характеристики территории (половозрастной состав, плотность населения).

Были подтверждены и дополнены наши наблюдения, свидетельствующие о том, что в европейской России территориальные различия отходничества наиболее ярко проявляются с движением с «севера» на «юг». Различия зависят от многих обстоятельств и лишь косвенно связаны с дихотомией «север — юг». По сходству характеристик отходничества обследованные районы Костромской, Архангельской, Вологодской областей, Пермского края были условно отнесены автором к «северу», районы Мордовии, Чувашии, Рязанской, Пензенской, Саратовской областей — к «югу». Районы Ленинградской, Псковской, Тверской, Ярославской, Нижегородской, Ивановской областей по своим характеристикам занимают переходное положение между «севером» и «югом». В районах, отнесённых к «северу», собрано 113 интервью, к «югу» — 117 интервью, к переходным — 129 интервью. Подчеркнём, что отходничество — явление многообразное, и те или иные комбинации характеристик могут встретиться в любой местности. Мы не подвергаем отходников «сортировке», а фиксируем значимость фактора территории их постоянного проживания.

Покажем территориальные различия «северного» и «южного» отходничества — (1) доля отходников в местном сообществе, (2) набор специализаций, по которым работают на выезде, (3) доминирующие мотивы к отходничеству, (4) распространённость женского отходничества, (5) положение отходников в сообществе — на полученных эмпирических данных.

(1) Доля отходников в сообществе определяется в первую очередь состоянием местной экономики — чем больше действующих организаций и предприятий, тем меньше отходников. При этом уровень занятости зависит не только от числа работодателей, но и от числа потенциальных работников. В каждом муниципальном образовании есть «обязательный» набор рабочих мест, которые так или иначе дают работу местным жителям (в основном в бюджетной сфере); чем жителей меньше, тем большая доля трудоспособных людей сможет найти работу по месту жительства. Иными словами, как правило, в районах с низкой плотностью населения доля отходников среди трудоспособных людей ниже. В то же время очевидно, что чем ближе и доступнее крупные рынки труда, обеспечивающие прибыльную занятость, тем привлекательнее и разнообразнее становится отходничество.

В каждом обследованном нами районе соотношение работающих «дома» и на выезде различалось, но чётко прослеживалась та тенденция, что на «юге» доля отходников в сообществе существенно выше, чем на «севере». Отходничество на «юге» распространено настолько, что в начале интервью тема поездок на заработки даже не сразу воспринималась информантами всерьёз — для них это не примечательное явление, а обыденная реальность. Показателен пример информантки из Калининского района (Саратовская область), оказавшейся одновременно матерью троих, бабушкой двоих и тёщей одного отходника. А в чувашском селе местная жительница, перебирая дома на своей улице — достаточно протяжённой — один за другим, называла те, в которых живут люди, ездящие на заработки, и оказалось, что они есть практически во всех домах. Схожие оценки давали информанты в Бековском районе (Пензенская область), отмечая, что отходники есть абсолютно в каждом доме. Эти наблюдения подтверждаются расчётами масштабов отходничества в северных и южных регионах, сделанных Т.Г. Нефёдовой (см.: Нефёдова, 2015а).

Дифференциация масштабов отходничества на «севере» и на «юге» объяснима следующими обстоятельствами. Плотность населения на юге в несколько раз превышает соответствующий показатель на «севере», вследствие чего конкуренция за рабочие места там существенно выше. Кроме того, если в «северных» периферийных районах ведущей отраслью экономики является лесозаготовка и иногда лесопереработка, то в «южных» таковым является, как правило, значительно менее доходное сельское хозяйство. Поэтому, даже если рабочие места и есть, большинство из них из-за слишком низких заработных плат неинтересны потенциальным работникам. При этом наблюдается и нехватка рабочих мест, вызванная сложившимся в последнее время избытком сельского населения (см.: Нефёдова, 2015б): на сельхозпредприятиях всё чаще используются современные технологии, и для выполнения того же объёма работ в настоящее время требуется меньше работников, чем раньше, к тому же часть из них заняты сезонно. Наконец, более населённый «юг», в отличие от «севера», обладает и более развитой транспортной инфраструктурой, что также способствует росту числа отходников (см. также: Аверкиева, 2016).

(2) Набор специализаций, по которым трудятся отходники, варьирует в зависимости от таких обстоятельств, как специализация местных предприятий (в том числе уже не действующих), набор специальностей, по которым происходит обучение в местных профессиональных учебных заведениях (если таковые имеются), спрос на специалистов определённого профиля на ближайшем крупном рынке труда, местные традиционные умения. Также определяющим может стать случай — например, если вслед за одним отходником на привлекательную работу начинают массово подтягиваться его знакомые и знакомые знакомых.

Для обследованных «северных» районов важную роль в определении распространённой специализации отходников сыграли местные традиционные умения. Значительная часть отходников специализируется на изготовлении и установке под частный заказ срубов — деревянных домов, дач, бань. На «юге» эта отходническая специализация почти не встречается, так как там практически отсутствуют леса с качественной строевой древесиной и, соответственно, местные жители не обладают плотницкими навыками. До революции плотницкий строительный отход был характерен для жителей северо-западных губерний (см., напр.: Смурова, 2007), сохранённые потомками навыки рубки срубов оказались востребованными и на современном рынке труда. Подавляющее большинство заказов плотникам идёт из Москвы и ближайшего Подмосковья. Этот промысел достаточно прибыльный, соответственно, значительная часть «северных» отходников удовлетворены своим заработком, и, возможно, поэтому доля ездящих вахтами в места добычи полезных ископаемых (что также является доходным занятием) относительно мала.

Специализация «южных» отходников имеет свою специфику, подмеченную нами изначально ещё в работе по проектам Ю.М. Плюснина. Один из информантов из Касимовского района (Рязанская область) указал, что в отход из его местности едут две категории людей: ленивые, подающиеся в основном в охрану, и востребованные квалифицированные специалисты. В дальнейшем мы постоянно убеждались в верности этого замечания для большинства обследуемых районов «юга», с той поправкой, что для части отходников первой категории причиной непрестижности их работы является не лень, а отсутствие у них (в сравнении с «северными» плотниками) навыков, которые высоко оплачиваются.

Судя по полученным данным, первая категория более многочисленна и отличается значительным разнообразием отходнических специализаций. Скорее важно не то, в какой сфере трудится человек, а то, что работает он на территории, где платят ощутимо большие деньги. Зачастую «южные» информанты, рассказывая о знакомых отходниках, затруднялись указать сферу, в которой те работают, зная чётко только место работы (чаще всего им оказывалась Москва). Работа таких отходников зачастую не требует квалификации и низко оплачивается. Показателен пример одного из саратовских информантов-отходников, который за небольшой срок сменил несколько новых, не требующих квалификации видов деятельности в разных регионах — был разнорабочим на стройке, подмастерьем при ремонте квартир, развозил топливо на тракторе; в любой момент он готов ехать куда угодно, хвататься за первую предложенную работу. Большинство же отходников этой категории, по нашим оценкам, действительно, работают охранниками. Также они заняты в торговле, в организациях общественного питания, на заводах и фабриках, оказывают услуги домработниц, сиделок, нянь и т. д.

К «южным» отходникам второй категории относятся те, кто имеет востребованную квалификацию. Большинство из них ездят вахтами в места добычи полезных ископаемых, где работают преимущественно машинистами спецтранспорта (на бульдозерах, самосвалах и т. п.). Это во многом определяется традиционной специализацией местных предприятий и связанным с ней набором специальностей в местных профессиональных учебных заведениях.

(3) Логика ответов отходников на вопросы о мотивах к работе на выезде также обнаруживает территориальные различия. Представляется, что в обследованных «северных» районах на потенциальных отходников действует скорее притягивающий фактор, тогда как в «южных» — скорее выталкивающий (см.: Lee, 1966).

В «северных» районах, как уже отмечалось, вследствие относительно низкой плотности населения конкуренция за рабочие места в принципе относительно невысока. При этом «северные» отходники часто указывали, что у них есть возможность работать в лесу или на пилораме. Однако их не устраивает тяжесть труда, травматизм, непостоянный характер работы, а также соотношение усилий и оплаты за выполненную работу — хотя заработки там в целом удовлетворительные. Таким образом, на «северных» потенциальных отходников действует скорее притягивающий фактор. Особенно это характерно для составляющих значительную часть местного населения отходников-плотников, умения которых пользуются высоким спросом на рынках труда крупных городов и высоко оплачиваются.

В плотно заселённых «южных» районах конкуренция за рабочие места, особенно для мужчин, существенно выше. К тому же в обследованных районах «юга» нет аналога «северному» относительно доходному лесному сектору. Таким образом, на потенциальных отходников действует скорее фактор выталкивания. Они мотивированы тем, что в их населенном пункте достойно трудоустроиться невозможно и на работу в отъезде их гонит нужда. Примечательно, что «южные» информанты-отходники часто сетовали на то, что у них стало не хватать денег на оплату коммунальных услуг (т. е. на самые базовые траты), поэтому пришлось уезжать на заработки (тогда как на «севере» часто начинали с того, что «нужно было детей учить»). Некоторые «южные» отходники отмечают, что теоретически есть возможность жить за счёт ведения личного подсобного хозяйства, но эта стратегия занятости чересчур трудоёмка и нестабильна. В такой ситуации отходничество оказывается для них рациональным выходом из положения.

(4) «Север» и «юг» демонстрируют яркие контрасты в распространённости женского отходничества. Большинство информантов из «северных» районов отмечают, что либо не слышали о нём, либо с чьих-то слов знают о каких-то единичных случаях. На «юге», напротив, по оценкам информантов, женщины ездят на заработки наравне с мужчинами. Дополнительным свидетельством спра-

ведливости этих оценок является тот факт, что все (хоть и немногочисленные) интервью с информантками-отходниками получены в «южных» районах. Чаще всего их специализация относится к первой выделенной категории — продавцы, официанты, сиделки, уборщицы и т. п.

Анализируя различия в масштабах женского отходничества, можно указать на воздействие притягивающих (на «севере») и выталкивающих (на «юге») факторов: так как на «юге» по экономическим причинам в принципе больше населения вовлекается в отходничество, то и женщин-отходников, соответственно, там больше. Также, на наш взгляд, половой состав частично обусловливается местными социокультурными особенностями и традициями. Традиции прочнее сохраняются в местах староосвоенных, значительно удалённых от крупных городов, с низкой транспортной доступностью. Такие места характерны более для «севера». Поэтому можно предположить, что там по большей части сохраняются патриархальные взгляды на роль женщины в семье и разделение труда и редко допускается, чтобы жена, мать или дочь могли работать в отрыве от дома. По той же причине в разных районах одного и того же региона информанты могли неодинаково оценивать распространённость женского отходничества. Например, жители Никольского района Вологодской области не считают нормальным отъезд женщины на заработки, тогда как в Белозерском районе той же области информанты спокойно признавали, что такие случаи есть. Различия объясняются тем, что первый район расположен на востоке этого достаточно протяжённого региона, вдали от крупных городов, а второй — на западе, тяготеющем к Ленинградской области и Санкт-Петербургу. Различия в масштабах женского отходничества, вызванные культурными особенностями, могут наблюдаться и в соседствующих районах. Так, в Костромской области в изолированном и имеющем давнюю историю Кологривском районе традиционные представления сохраняются, и женщины в отходничество практически не вовлечены, тогда как в соседнем, относительно новом, стоящем на железнодорожной магистрали райцентре Мантурово женское отходничество встречается часто. В пользу влиятельности традиций говорит и тот факт, что на заработки ездят женщины преимущественно из городов, в то время как в сельской местности это практически не распространено. Таким образом, влияние культурного аспекта определённо присутствует. Однако этим не снимается вопрос о получении средств к существованию одинокими женщинами (данные Федеральной службы государственной статистики по разводам для регионов, в которых расположены рассматриваемые «северные» и «южные» районы, сопоставимы). Наблюдения позволяют предположить, что на «севере» одинокие женщины получают финансовую помощь от родителей, среди которых много отходников-плотников и которые, благодаря своим относительно

высоким заработкам, могут тратить часть дохода на финансовую помощь взрослым детям.

(5) Территориальные различия присутствуют на уровне статуса отходников в местном сообществе. Переход от «северных» районов к «южным» особым образом изменяет их статус. Во многом это связано с уже описанными территориальными различиями — с долей отходников в сообществе, набором «выездных» специализаций, их доминирующими трудовыми мотивами.

В сообществах «северных» районов отходники являются меньшинством с активной трудовой позицией. Значительная часть из них работают плотниками. На деле это означает, что они не только обладают специфическими навыками, но и работают с тяжёлыми бревнами, в травмоопасных условиях, делая перерывы только на питание и сон, так как заказчик требует выполнения заказа в кратчайшие сроки. Поскольку дом ставится чаще всего «в чистом поле», плотникам приходится жить в палатках или временных постройках, сколоченных ими же на скорую руку, готовить и стирать самостоятельно. Договорённость на словах обусловливает неофициальный характер их работы. Поэтому плотники, принимая заказ, рискуют в лучшем случае не получить за него деньги. При удачном раскладе за сезон плотники зарабатывают деньги, позволяющие жить в достатке целый год. Выполняя тяжёлую, требующую особых умений, навыков и репутации работу, работая в бригаде из 3–5 человек, отходник-плотник зарабатывает до 100 тыс. руб. на каждого за заказ. Годовой доход плотника составляет в среднем 400–500 тыс. руб. исключительно за счёт сезонного строительства. Владение редкими навыками и готовность применять их в тяжёлых и опасных для здоровья и жизни условиях вызывают у сообщества уважение к ним. Местные жители отмечают их обеспеченность, улучшение материального положения их домохозяйств. Всё это определяет высокий социальный статус таких характерных для «севера» отходников.

В «южных» районах на заработки ездит большинство трудоспособного населения. Вследствие этого особое отношение сообщества проявляется скорее по отношению к людям, успешно трудоустроенным по месту жительства, коих меньшинство. «Южные» отходники, как уже отмечалось, по своей специализации как бы делятся на две основные категории, которым соответствуют разные социальные статусы. Работа «южных» отходников многочисленной первой категории часто считается относительно лёгкой, поэтому оплачивается низко. Они работают обычно непродолжительными вахтами и получают, в зависимости от работы, 15–25 тыс. в месяц (180–300 тыс. руб. в год). Как по словам местных жителей, так и по наблюдаемым внешним признакам такие отходники часто либо не отличаются по уровню жизни от тех, кто не ездит на заработки, либо отличаются даже более низким уровнем жизни. Доходы их достаточны для обеспечения себя всем необходимым, но в то же время по срав-

нению с местными жителями, удачно трудоустроенными «дома» (например, по сравнению с мелким предпринимателем, владеющим одним-двумя продуктовыми магазинами, или с начальником отдела в районной администрации), по своему материальному положению отходники практически не выделяются или даже могут отличаться более низким материальным благополучием. Для них работа в отходе привлекательна не заработком, а относительной доступностью, простотой и стабильностью. Всё это определяет относительно невысокий социальный статус таких отходников. Отходники второй категории, работающие на спецтранспорте в регионах добычи полезных ископаемых, трудятся в опасных для здоровья и жизни условиях; несчастные случаи, с учётом специфики работы, происходят часто. Особенно тяжелые условия приходятся на тех отходников, которые начинают работать на новом участке посреди тайги, будучи оторванными от остального мира. Вследствие удалённости территории работы и дороговизны транспорта им редко удаётся бывать «дома», и часто отходник до полугода (иногда и более) находится в отрыве от семьи. Воздействие экстремальных природно-климатических северных условий способны выдерживать только самые стойкие и выносливые. В зависимости от выполняемой работы и режима они зарабатывают от 300 до 700 тыс. руб. в год. Это квалифицированные кадры, предъявляющие высокие запросы к уровню заработной платы и готовые к непростому образу жизни. По своим трудовым и индивидуально-личностным характеристикам они сопоставимы с «северными» плотниками. Такие отходники пользуются среди местных жителей уважением и имеют высокий социальный статус.

Итак, в ходе исследований современного отходничества были зафиксированы территориальные (районные, региональные) различия в характеристиках явления на севере и на юге европейской части России. Различия проявляются в доле отходников в сообществе, в их половом составе, в доминирующих мотивах к отходничеству, в наборе «выездных» специализаций, в местном социальном статусе отходников. В сравнении с «севером» на «юге» существенно выше доля отходников в местном сообществе и выше доля женщин-отходников среди местного женского населения. Представляется, что на «севере» на потенциальных отходников действует скорее фактор притяжения, на «юге» — скорее фактор выталкивания. Для «севера» характерно отличительное присутствие среди прочих отходников значительной части тех, кто возводит дома для обеспеченных заказчиков; на «юге» отходники по своей специализации делятся на две основные категории — занятые на самых разных работах, часто не требующих высокой квалификации и относительно малооплачиваемых, и занятые квалифицированным высокооплачиваемым трудом, чаще всего в качестве машинистов спецтранспорта в местах добычи полезных ископаемых. Различия в масштабности отходничества и ориентации превалирующих специализаций опре-

деляют разницу в восприятии отходников сообществом и в их позициях в местной социальной структуре.

Библиография

Аверкиева К.В. (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 25–37.

Великий П.П. (2010). Неоотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. № 9. С. 44–49.

Лебёдушкина О. (2008). До Москвы одна ночь // Отечественные записки. № 5(44). С. 249–256.

Нефёдова Т.Г. (2015а). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. География [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 643–644, 18–31 мая 2015. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf (дата обращения: 15.06.2015).

Нефёдова Т.Г. (2015б). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 641–642, 4–17 мая 2015. URL: http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf (дата обращения: 15.06.2015).

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). Отходники / Науч. ред. С.Г. Кордонский. М.: Новый хронограф.

Смурова О.В. (2007). Профессиональные группы крестьян-отходников, работавших в столицах (вторая половина XIX–начало XX в.) // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. № 2 (16). С. 39–42.

Lee E.S. (1996). A Theory of Migration // Demography. No. 3. P. 47–57.

White A. (2007). Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies. Vol. 59. No. 6. P. 887–911.

Today's migrant workers in the north and south of European Russia

Natalia Zhidkevich, Analyst, Project-Training Laboratory of Municipal Government, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: nzhidkevich@hse.ru.

The article considers the phenomenon of temporary labor migration, i.e. the so-called 'contemporary migrant/seasonal work'. The author focuses on its regional features determined by economic, social-cultural and demographic situation in the migrant workers' hometowns and villages. There is a clear differentiation in such characteristics as the scale of migrant work, women's seasonal positions, dominant motives of such work and its key specialties, migrant workers' status in the local community, etc., especially in the northern and southern parts of European Russia. The share of migrant workers in local communities is much higher in the 'south' than in the 'north' for the density of population in the 'south' is higher. In the 'south', both men and women are engaged in migrant work while in the 'north' women among the migrant workers are rare. The 'north' with its forests is known for migrant carpenters that build houses, bathhouses and other buildings for wealthy city dwellers (there are almost no carpenters in the 'south'). The 'southern' migrant workers can be divided into two groups — general workers and skilled workers engaged in oil and gas industries, so labor competition is

fierce in the 'south'; moreover there is a big demand for 'northern' carpenters' unique skills. Thus, 'southern' migrant workers are motivated by push-factors, while the 'northern' — by the attraction-factors. The scale of migrant work and its key specialties determine the differences in migrant workers' positions in local communities: for instance, carpenters of the 'north' mainly have a high social status; 'southern' migrant general workers usually have a low status, while the skilled ones — a high status.

Keywords: migrant work; (temporary) labor migration; regional differences; the north and south of European Russia; Russian periphery; employment strategies

References

Averkieva K.V. (2016) Rynki truda i rol' othodnichestva v zanyatosti sel'skih zhiteley rossiyskogo Nechernozem'ya [Labor markets and the role of seasonal work in the employment of the rural inhabitants of the Russian Nechernozemie]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 1, pp. 25-37.

Lebyodushkina O. (2008) Do Moskvy odna noch' [One night to Moscow]. *Otechestvennye zapiski*, no 5(44), pp. 249-256.

Lee E.S. (1996) A Theory of Migration. *Demography*, no 3, pp. 47-57.

Nefyodova T.G. (2015a) Othodnichestvo v sisteme migratsiy v postsovetskoy Rossii [Seasonal work in the system of migrations in post-Soviet Russia. Geography]. Geografiya [Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly* [sait]., no 643-644, 18-31 maya 2015. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf (accessed 15.06.2015).

Nefyodova T.G. (2015b) Othodnichestvo v sisteme migratsiy v postsovetskoy Rossii. Predposylki [Seasonal work in the system of migrations in post-Soviet Russia. Prerequisites][Elektronnyi resurs]. *Demoskop Weekly* [sait]., no 641-642, 4-17 maya 2015. URL: http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf (accessed 15.06.2015).

Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Othodniki* [Migrant workers] / Nauch. red. by S.G. Kordonskiy. Moscow: Novyi hronograf.

Smurova O.V. (2007) Professional'nye gruppy krest'yan-othodnikov, rabotavshih v stolitsah (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [Professional groups of farmers, migrant workers in the capitals (second half of XIX — early of XX century)]. *Nauchnyi vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, no 2(16), pp. 39-42.

Velikiy P.P. (2010) Neoothodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoy derevni [New migrant workers, or excess people from today's village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 44-49.

White A. (2007) Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no. 6, pp. 887-911.